

б. слова типа “чернила”	Потенциально Числовые окончания омонимичны в каждом падеже, употребляется преимущественно в единственном по значению числе. Множественное по значению число выражается контекстом Пересуды, страсти, пески, деньги (деньги вообще), потворы (колдовство), дръзи (дружина), рады (переговоры). Значения «один» и «не один» реализуется как «один – не один сложный комплекс»	Изменение числовой парадигмы, смешанные способы, заимствования. Судить – пересуды, не ладиться – нелады, баксы – заимствование из англ. яз. с образованием вторичного ед. ч.: бакс (в англ. яз. формы ед. ч. у этого слова нет, а -s – показатель мн. ч.), песок – пески, радъ (ряд, порядок, договор) – рады (переговоры), дръгъ (друг) – дръзи (дружина), деньга (ден. ед.) – деньги (деньги вообще), потворъ (дело) – потворы (колдовство). Значение «дискретность» реализуется как сложносоставность, разновидность реалии, образа, действия.

Таким образом, в области определения категории числа лежат словоформы, значения которых противопоставлены по признаку «один – не один». Выражается этот признак падежно-числовыми окончаниями, синтагматически или контекстом. А слова, значения которых противопоставлены по признаку «цельность – дискретность», – область определения другой категории: словообразовательной категории «цельность – дискретность», категоризирующие семы которой формально выражаются с помощью суффиксов единичности, собирательности и изменением числовой парадигмы.

А. А. Пауткин (Москва)

ЛЕТОПИСНЫЙ ПОРТРЕТ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО: ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ, ЖИВОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЛИ ВЗГЛЯД ОЧЕВИДЦА?

В Галицкой летописи XIII в. под 1252 г. читается рассказ о дипломатическом визите князя Даниила Романовича к венгерскому королю Беле IV. Галицкий князь оказался втянутым на венгерской стороне в многолетнюю борьбу европейских правителей за выморочный лен, когда после смерти бездетного герцога Фридриха II (1246 г.), на котором пресеклась династия Бабенбергов, австрийские земли оказались без законного владельца.

В итоге верх одержал Присемысл Оттокар чешский, но в описываемый нашей летописью момент акции венгерско-русской коалиции еще высоки. Появление Даниила в центре Европы было весьма торжественным. Оно превратилось в демонстрацию западным соседям военной силы, богатства и гордой непреклонности галицкого князя. Церемониальный марш русских дружин наблюдали и посланцы германских земель, в том числе Штирии и Дубровника. Нужное впечатление было произведено, и угорский король даже не удержался от радостного восклицания: «Не взялъ быхъ тысяще серебра за то оже еси пришелъ обычаемъ Рускимъ отцевъ своихъ» (II. 814)¹. Действительно, зрелище, развернувшееся перед иноземцами, стоило дорогого. Это одно из наиболее патетических

¹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Здесь и далее указание на том и столбец дается в тексте.

мест в повествовании, своеобразный прижизненный парадный портрет галицкого князя. Взорам противников и союзников открылась воистину удивительная процессия. Приведем этот хорошо известный фрагмент летописи полностью: «Данила же приде к нему исполчи вся люди своѣ. Нѣмьци же дивящяся оружью Татарьскому бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ и людье во ярыцѣхъ и бѣ полковъ его свѣтлость велика от оружья блистающася самъ же бѣха подлѣ короля по обычаю Руску бѣ бо конь под нимъ дивлению подобенъ и сѣдло от злата жъжена и стрѣлы и сабля златомъ украшена иными хитростми якоже дивитися кожоухъ же оловира Грѣцького и круживы златыми плоскими ошитъ и сапозы зеленого хъза шити золотомъ Немцемъ же зрящимъ много дивящимся» (II. 814).

Летописец предложил самое яркое и впечатляющее изображение своего господина, сформировал центр всей характеристики. Вокруг него многочисленными «клеймами» располагаются эпизоды, показывающие Даниила в конкретных деяниях и подвигах. Монументальна картина, основой которой стала конная фигура полководца, выполнена с большим искусством. Здесь нет ничего случайного. Обращает на себя внимание композиция летописного фрагмента, продуманность соотношения отдельных элементов. Описание имеет четкое обрамление: двукратное упоминание об удивлении немецких послов. Так эта сцена выделена из окружающего материала. Князь запечатлен на фоне блистающих, хорошо вооруженных дружинников. Как и подобает, воинство должно дополнять достоинства сюзерена. Пышна, многофигурная композиция буквально источает яркий свет. Предводитель высвечен сиянием полков и дружин. Создатель жизнеописания любит своего князем, следит за реакцией чужаков, готов вместе с ними подивиться устроению полков, богатству и красоте убранства, статьям княжеского коня. Важная смысловая деталь — золото, упомянутое четыре раза. Интерес автора простирается даже в сферу использования драгоценного металла при художественной обработке различных материалов (кожа, сталь, дерево, ткань): «Сѣдло от злата жъжена»; «стрѣлы и сабля златомъ украшена»; кожух «круживы златыми ... ошитъ»; сапоги «шити золотомъ». Подчеркнутое внимание к элементам драгоценной отделки вполне понятно. Золото олицетворяло в средневековом обществе не просто богатство, а определенное социальное положение человека, символизировало власть и могущество². В этом отношении галичанин верен традиции.

Еще в 1926 г. А. С. Орлов указал на аналогию галицкого описания, выполненного «с реальными подробностями, выходящими за черту трафарета русских летописей»³, и фрагмента из XVII книги Малалы по Еллинскому летописцу. Там говорилось об одежде персидского царя Чафия. Исследователь высказал предположение о том, что «одеяние Чафия дало мысль галицкому летописцу детально описать вооружение русских войск и самого Даниила, причем дало момент различения двух манер — “обычаев” — татарского и русского, подобно тому, как в рассказе о Чафии различаются манер “румек” от “своея страны”, “пръскимъ образомъ”»⁴. Особенно близким к летописи А. С. Орлову представлялись описания следующих деталей костюма перса: «Нашва злата плоска» и «сапозы же его беша от своея ему страны червени с бисеры, пръскимъ образомъ»⁵.

Действительно, галичанин, знаток переводной книжности, мог опираться на древнерусский перевод хроники Иоанна Малалы. Но если это и так, то подошел он к источнику творчески. У Малалы говорится о головном уборе (в галицком повествовании ничего похожего нет), золотой плоской «нашве», а не о кружевах. И наконец, сапоги у Даниила зеленой, а не багряной кожи, да и характер их украшения совершенно иной — золотое шитье (у Чафия восточная отделка бисером).

²См.: Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия, южные славяне и древняя Русь, западная Европа: Искусство и культура. Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С.43–52.

³Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Т. XXXI, Л., 1926. С. 105.

⁴Там же. С. 106.

⁵Текст Хроники цитируется по указанной Статье А. С. Орлова. С. 105–106.

Биограф Даниила показал себя как тонкий ценитель искусства и архитектуры. Поэтому естественным представляется учет живописной традиции, которая тоже могла питать его творческое воображение. Попытаемся ответить на вопрос: не была ли иконография святых воинов и князей своеобразным архетипом рассматриваемого описания?

Летописец сообщает: князь «ѡха подле короля». Но совершенно умалчивает о том, как выглядел «рикс» Бела, каким был его конь. Нет и намек на сравнение внешности правителей соседних земель. Перед толпой подданных и гостей появились два повелителя, изображен же только один. Конечно, средневековому искусству свойственна иерархичность, но в то же время оно демонстрирует «стремление к увеличению информативности картины»⁶ и не допускает, по справедливому замечанию Б. В. Раушенбаха, «заслонений одних предметов или фигур другими»⁷. Подтверждение находим на иконописных изображениях Бориса и Глеба, относящихся, правда, уже к XIV в., на иконах «Чудо о Фроле и Лавре» или «Знамение Иконы Богородицы. Битва новгородцев с суздальцами» XV в. Конные фигуры всегда изображаются так, чтобы первый всадник не закрывал от зрителя второго. Особенно нагляден этот прием в случае «геометрического членения живописного поля». Как это делала, изучая композицию икон, Е. Ф. Желоховцева⁸. При этом фигуры Бориса и Глеба, сидящих на конях, могли располагаться «теснее» друг к другу (икона из собрания ГТГ) или более свободно, как на иконе из церкви Бориса и Глеба в Плотниках (Новгородское собрание), где движения коней — иноходцев вообще синхронизированы.

Кроме того, в описании заметен резкий переход от фронтального изображения (предводители на фоне дружинников) к иному ракурсу, подчеркивающему движение, когда исчезают «признаки глубины пространства»⁹. То есть обратная иконописная перспектива вдруг превращается в прямую (сначала летописцу важно, «каков есть изображаемый объект», а затем — «каким он кажется»¹⁰).

Древнерусским описаниям присуща перечислительность. Так поступает и галичанин, но почему-то им проигнорирован ряд важных элементов. Летописец выхватил лишь отдельные предметы. Что, он умышленно стремится к созданию впечатления незавершенности портрета, подобно тому, как это делал Пикассо в картине «Сидящий Арлекин» (1923 г.), желал, чтобы читатель домыслил остальное? Конечно, нет.

Думается, летописец опирался, прежде всего, на личные впечатления, собственные воспоминания. Попробуем это доказать. Во-первых, повествователь припоминает: на момент описываемых событий немецкий герцог «уже убьен бысть». Во-вторых, дана информация о погоде (редкий случай). Русский князь испытывает неудобство в своем тяжелом одеянии, «зане зной бѡ великъ дне того». Только свидетель мог оценить, как довольный Бела, взяв за руку Даниила, лично ведет князя в прохладу своего шатра и оказывает ему небывалую честь: сам раздевает гостя, предлагает ему свои одежды, более соответствующие жаркому времени. При этом о видимых результатах этой необычной травести летописец уже не сообщает. Церемониальное представление окончено, занавес опущен вместе с падением полога королевского шатра.

Нарисованная летописцем картина настолько зрима, а «пространственная прикрепленность повествователя к персонажу»¹¹ столь очевидна, что можно прибегнуть к предположительной реконструкции реальной ситуации. Проследим за движением взгляда наблюдателя. Создатель описания в буквальном, а не только в социальном смысле взирает на происходящее снизу вверх. Вот движется кавалькада всадников, приближаются оба правителя, окруженные воинами. Далее

⁶ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. Очерк основных методов. М., 1980. С. 127.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Желоховцева Е. Ф. Геометрические структуры в архитектуре и живописи Древней Руси // естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980. С. 55.

⁹ Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. С. 47.

¹⁰ Успенский Б. А. Семиотика иконы // Б. А. Успенский. Семиотика искусства. М., 1995. С. 248.

¹¹ Успенский Б. А. Поэтика композиции // Б. А. Успенский. Семиотика искусства. М., 1995. С. 84.

объект наблюдения оказывается прямо перед автором. В поле зрения попадает княжеский конь, седло, сабля, висящая при бедре, торчащие из колчана стрелы, часть кружевной одежды и зеленые сапоги (единственный собственно цветовой эпитет всего фрагмента). Второй всадник, король угров, закрыт от взора. Нетрудно заметить, что все, о чем сообщает летописец, находится на уровне глаз пешего наблюдателя.

Голова, плечи, руки, обычно упоминаемые в идеальной характеристике, не попали в поле зрения. При этом летописец далеко не безразличен к предметам снаряжения (в том числе к шлемам и к щитам). Наконец, галичанин не лишен и дара физиономиста. Вот пример поразительного умения передать состояние человека через его мимику: провинившиеся епископ Артемий и дворский Григорий страшатся гнева Даниила и «изиидоша слезнама очима и ослабленомъ лицемъ и лижюща уста своя» (II. 777). Как же случилось, что летописец упустил блестящую возможность воспеть телесную красоту господина, изобразить его царственный лик?

В описании шествия, по всей видимости, точно реализовались наблюдения человека, находившегося в непосредственной близости от процессии. Это отражение перцептивного пространства. В повествователе борются два чувства — желание запомнить больше и смирение подданного, оказавшегося среди множества знатных особ. Он, конечно, не смел нарушать этикет и разглядывать правителей, задрав голову. Но и с почтением склонившись, можно бросать беглые взгляды на соседей — иноземцев, чтобы приметить их реакцию. Исследователи уже давно указали на пристрастие галицкого летописца к показу мнения представителей чужих земель. Проявилась эта особенность индивидуальной повествовательной манеры и в описании событий 1252 г., ведь здесь заключен целый мир культурно-исторических реалий. Средневековая цивилизация Европы (от восточных Альп и Адриатики до Византии и прикаспийских степей) присутствуют тут во множестве проявлений. Это представители тех или иных народов, их обычаи, предметы, произведенные ремесленниками разных стран, и, наконец, столкновение геополитических интересов австрийских герцогов, Венеции, королей Венгрии, Чехии и князей юго-запада Руси.

Вернемся к «иным хитростям» и деталям, которые не ускользнули от внимания немецких послов. Русские кони, начиная с головы, покрыты тяжелым пластинчатым защитным снаряжением монгольского происхождения («личины» и «кояри» кожаные)¹². Описание азиатского конного доспеха оставил Плато Карпини, путешествовавший через Русь в 1245 г. Тяжелое защитное снаряжение лошадей у рыцарей Европы в это время еще не развито. У них в ходу стеганные попоны¹³. Лошадь Даниила тоже несет на себе непривычное для глаза европейца убранство. Вот почему галичанин, прослеживавший судьбы княжеских боевых коней, знавший их масти, на сей раз ограничился замечанием — «конь под ним дивлению подобен».

Скорее всего, князь движется мимо наблюдателя справа налево¹⁴. Упомянута сабля, носимая на левом боку (сведений о том, что Даниил был левшой, нет). Заметим, князь вооружен не традиционным мечом, а более новым кавалерийским оружием. Сабля, оружие кочевников, в середине XIII в. встречается еще редко. В Европе господствует меч, который окончательно будет вытеснен саблей к концу XIV в. Даниил — гость, он приглашен угорским королем, поэтому играет в этой знаковой сцене вторую роль. Он едет по левую руку от хозяина, закрыв его от наблюдателя. Из всего «саадака» (т. е. лука, колчана, налучи) упомянуты лишь стрелы, которые можно видеть

¹² См. об этом: Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 244–269.

¹³ В совершенствовании рыцарского вооружения свою роль сыграли столкновения с восточными всадниками. Во время описываемых событий близится к завершению уже VII крестовый поход (1248–1254).

¹⁴ Ср. с достаточно редкой по композиции и цветовому решению иконой «Чудо Георгия о змие» XIV в. (собр. М. В. Розановой), по-видимому, относящейся к псковской школе. На этой иконе Святой Георгий скачет на черном коне слева направо. Изображение лишено ряда традиционных признаков и деталей.

опять же слева из-за спины всадника. Повторим, расшитый золотом сафьяновый сапог, драгоценные седло и сабля оказываются прямо перед лицом наблюдателя.

В заключение заметим, что фразу «люде во ярыцѣхъ» не следует переводить как «люди в кольчугах» (напр., в переводе О. П. Лихачевой в ПЛДР¹⁵). Древнетюркское «ярык», «ярак» следует толковать как пластинчатый панцирь («броня дощатая»), чешуйки которого могли двигаться на кожаной основе. В противном случае неясно, от чего исходила «светлость велика», ведь кольчуга не сверкает.

Таким образом, летописный портрет Даниила Романовича, идеализирующий князя — полководца, построен на личных наблюдениях галичанина. Именно они, а не книжные познания образованного и чуткого к красоте хрониста придают рассказу о визите объединителя юго-западной Руси в Венгрию особую достоверность и наглядность.

¹⁵ ПЛДР: XIII век. М., 1981. С. 321.

И. Д. Соловьева (Санкт-Петербург)

ЖИТИЙНЫЕ ИКОНЫ ПРЕПОДОБНОГО АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО: АГИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И АНАЛИЗ ИКОНОГРАФИИ.

Единственным источником, из которого становится известно о жизни преподобного Александра Свирского, является Житие, созданное игуменом Иродионом Кочневым около 1545 г. и основанное на рассказах его наставника и первых троицких монахов, а также собственных воспоминаниях.

Как выяснил Иван Яхонтов, помимо этого литературными источниками для труда Иродиона послужили жития Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, написанные Пахомием Логофетом, житие Феодосия Печерского в редакции Нестора¹. В свою очередь Житие Александра Свирского послужило агнографическим образом для описания деяний и чудес других северных подвижников. Житие Александра Свирского сохранилось в большом количестве списков XVI—XIX столетий. До недавнего времени это сочинение не становилось предметом специального исследования, но сейчас его текстологическим анализом занята В. И. Охотникова. Ею просмотрено значительное число списков, которые удалось объединить в несколько групп. В. И. Охотникова пришла к выводу о стабильном составе историко-биографической части текста и расхождении в разделе посмертных чудес. В текстах XVI в. ею выделена основная редакция с тринадцатью посмертными чудесами, ставшая основной для всех последующих редакций. Широкое распространение Жития Александра Свирского среди древнерусских агнографических сочинений, обилие его списков объясняется большим числом сохранившихся житийных памятников иконописи и книжной миниатюры, посвященных преподобному.

В своей Духовной грамоте Александр Свирский передал основанный им монастырь под покровительство новгородского архиепископа, будущего митрополита Макария. Несомненно, что именно глубокое почитание Свирского игумена и попечительство над его обителью со стороны

¹ Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник: составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1881. С. 37–87; Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.